

ШУКШИНИСТИКА

DOI 10.37386/2305-4077-2025-2-154-164

Г. В. Ануфриева¹*Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)*

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ В КИНОПОВЕСТИ

В. М. ШУКШИНА «КАЛИНА КРАСНАЯ»

В статье описываются особенности внутреннего монолога в киноповести «Калина красная» В. М. Шукшина. В ходе анализа установлено, что фрагменты внутренней монологической речи композиционно и содержательно связаны с кризисными коммуникативными ситуациями, которые проживает главный герой. Внутренний монолог в киноповести – это прием, раскрывающий психологию героя и объясняющий суть его поступков. В статье проанализированы такие типы внутреннего монолога, как актуальный, косвенный, ретроспективный. Выявлены их функции: характерологическая, идеологическая, сюжетообразующая и композиционная. Описан внутренний монолог, представляющий собой аппликацию авторского и персонажного слоев.

Представленный материал в дальнейшем планируется включить в словарную статью для энциклопедии одного произведения «Калина красная» В. М. Шукшина, над которой в настоящее время работает коллектив ученых Алтайского государственного педагогического университета.

Ключевые слова: киноповесть «Калина красная», произведения В. М. Шукшина, внутренний монолог, типы монолога, функции внутреннего монолога, Егор Прокудин

Galina Anufrieva*Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)*

INTERNAL MONOLOGUE IN THE FILM STORY

V. M. SHUKSHINA «KALINA KRASNAYA»

The article describes the features of the internal monologue in the film story «Kalina Krasnaya» (“red viburnum”) by V. M. Shukshin. In the course of the analysis, it was established that fragments of internal monological speech are compositionally and

¹ Галина Васильевна Ануфриева – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания и методики преподавания русского языка как иностранного Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: agvbarnaul@inbox.ru.

meaningfully related to the crisis communication situations that the main character lives. The internal monologue in the film story is a technique by which the author reveals the psychology of the hero and largely explains the essence of his actions. The article reveals the role of topical, indirect and retrospective internal monologues. Their following functions are identified and characterized: characterological, ideological, plot-forming and compositional. An internal monologue is highlighted and described, which is an application of author and character layers.

The presented material is planned to be included in the dictionary entry for the encyclopedia of V. M. Shukshin's work «Kalina Krasnaya», on which a team of scientists from Altai State Pedagogical University is currently working.

Keywords: film story «Kalina Krasnaya», works by M. V. Shukshin, internal monologue, types of monologue, functions of internal monologue, Yegor Prokudin

Внутренний монолог представляет собой одну из форм передачи речи автора или персонажа в художественном тексте, характеризующуюся односторонностью речевого общения говорящего субъекта (это своего рода «общение с самим собой»). По мнению В. Н. Волошинова, «внутренняя речь и, в частности, внутренний монолог, – это одна из важнейших проблем философии языка, стоящих на стыке психологии и лингвистики» [Волошинов, 1993, с. 44].

С точки зрения психологии «внутренняя речь рассматривается как особый язык, предназначенный для автокоммуникации. Коренным отличием внутренней речи от внешней является отсутствие вокализации. Внутренняя речь есть немая, молчаливая речь. Это – ее основное отличие» [Выготский, 1956, с. 347].

В теории языка художественной литературы рассматриваемое понятие трактуется как способ эксплицирования внутренней речи говорящего субъекта [Артюшков, 2004; Блох, Сергеева, 2011]. В таком понимании монолог способствует созданию образа того или иного говорящего субъекта (персонажа, рассказчика, повествователя) в художественной ткани произведения [Виноградов, 1980; Гончарова, 1984]. В Словаре лингвистических терминов О. С. Ахманова отводит внутреннему монологу роль лингвостилистического приема «служащего для литературно-художественного изображения внутренних переживаний описываемого лица и позволяющего заменять описание реально происходивших событий передачей порожденных этими событиями мыслей, впечатлений и т.п., оформляющихся во внутренней речи действующего лица» [Ахманова, 2004, с. 239].

Исследователи выделяют несколько форм передачи внутреннего монолога в художественном тексте: прямой, косвенный (вторичный), ретроспективный [Блох, Сергеева, 2011; Осмоловский, 1964]. При прямом внутреннем монологе

практически отсутствует речевая линия автора-повествователя, дословно воспроизводится субъектно-речевая сфера персонажа. К речевым особенностям этой формы относятся: 1-е лицо единственное число, доминирование единиц экспрессивного (вопросительные и восклицательные предложения, именительный темы, эмоционально-окрашенная лексика) и разговорного синтаксиса (односоставные и неполные предложения, присоединительные конструкции, повторы, синтаксический параллелизм). В основе косвенного (вторичного) внутреннего монолога лежит авторское повествование, насыщенное высказываниями других субъектов речи. Как отмечают М. Я. Блох, Ю. М. Сергеева: «в таком монологе отчетливо проявляется контаминация голосов автора и персонажей, слияние их до такой степени, что, воспринимая мысли и чувства героя, мы ясно слышим интонацию автора» [Блох, Сергеева, 2011, с. 32]. Характерными речевыми приметами косвенного внутреннего монолога служат: обозначение субъекта речи формой 3-го лица единственного числа, формы глаголов прошедшего времени. Ретроспективный внутренний монолог воспроизводит ситуации, оставшиеся за рамками повествования, но при этом объясняющие поступки и поведение персонажа в настоящий момент. В типологии И. В. Артюшкова [Артюшков, 2004] представлены три разновидности внутреннего монолога, во многом соотносимые с рассмотренной классификацией: 1) монолог в авторском пересказе; 2) монолог, исходящий от персонажа; 3) монолог, с установкой на чужую речь.

К основным признакам внутреннего монолога относятся: автосемантическая высказывания, структурно-композиционная сложность, смысловая завершенность. Несмотря на то, что данный тип речи не рассчитан на непосредственную реакцию со стороны собеседника, исследователи [Артюшков, 2004; Гаибова, 1986; Чумаков, 1977 и др.] указывают на такой его признак, как диалогичность. Элементы диалогически прямой речи во внутреннем монологе отмечены были еще В. В. Виноградовым. При описании композиционно-речевых категорий литературы академик выделял гибридные формы «диалогизированного монолога», которые «воспринимаются как “разговор” персонажа с самим собой или с отсутствующим партнером при “подразумеваемых” репликах» [Виноградов, 1980, с. 79].

В произведениях В. М. Шукшина внутренний монолог не менее значим, чем устный рассказ, диалог. Важность внутренней речи персонажа писатель объяснил в работе «Возражения по существу»: «Как только принимаюсь работать – писать рассказ, снимать фильм, – тотчас передо мной являются две

трудности: жизнь человека внешняя (поступки, слова, жесты) и жизнь души человека (потаенная дума, его боль, надежда); то и другое вполне конкретно, реально, но трудно все собрать вместе, трудно обнаружить ту логику да еще и “прийти к выводу”» [Василий Шукшин: Жизнь в кино, 2009, с. 211]. Следовательно, внутренний монолог у писателя – это способ раскрытия души и поступков героя. Н. Д. Голев, анализируя структуру внутренней речи героев в рассказах Шукшина, высказал следующую мысль: «<...> важнейшие для писателя вопросы, связанные со стремлением проникнуть в сокровенные тайны человеческого бытия и души конкретных людей, его героев (часто неразговорчивых и скрытных), решаются им не декларативно или гносеологически акцентированно, а через поступки, слова и особенно “мыслеслова” самих героев» [Голев, <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v84.html>].

Внутренний монолог в киноповести В. М. Шукшина «Калина красная» является важнейшей составляющей образа главного героя – Егора Прокудина. По сравнению с рассказами, в этом произведении писатель реже прибегает к данной форме речи персонажа (ср.: рассказы «Мой зять украл машину дров!», «Осенью», «Сураз», «Суд» и др.). Это обусловлено жанровой природой киноповести. Выдвигая на первое место кинематографичность, В. М. Шукшин фокусирует внимание на членении повествования с помощью приема раскадровки. Принцип монтажа, переключки однотипных сцен «создают контрапункт» [Рыбальченко, 2007, с. 127]. Поведение персонажа раскрывается «здесь и сейчас», через деталь, слово-жест. Художественно-речевая организация текста оказывается под влиянием законов драмы и монтажного принципа композиции, «основными структурообразующими параметрами которого являются наблюдаемое и слышимое» [Мартынова, 2004, с. 171], поэтому авторская и персонажная речь чаще репрезентируются диалогом или смешанными композиционно-речевыми формами, соединяющими субъектно-речевые линии повествователя и персонажа.

Внутренний монолог представлен в композиционных частях киноповести, содержательно связанных с образом главного героя: 1) в коммуникативной ситуации, провоцирующей эмоциональный всплеск в поведении Егора Прокудина; 2) в ситуации внутреннего напряжения, связанного с размышлениями героя о смысле жизни, о душе; 3) в ретроспективных ситуациях, возвращающих героя в детство; 4) в ситуации перехода от внутренних размышлений к диалогу.

Рассмотрим особенности организации внутреннего монолога в каждой из названных ситуаций.

– Шалашовки, – ругался Егор, выходя с почты. – Вы у меня танец маленьких лебедей будете исполнять. Краковяк!.. – Он зашагал к вокзальному ресторану. – Польшку-бабочку! – Егор накалял себя. В глазах появился тот беспокойный блеск, который свидетельствовал, что душа его стронулась и больно толкается в груди. Он прибавил шагу. – Нет, как вам это нравится! Марионетки. Красные шапочки... Я вам устрою тут фигурные катания! Я наэлектризую здесь атмосферу и поселю бардак. – Дальше он и вовсе бессмысленно бормотал, что влетит в голову: – Тарьям-па-пам, тарьям-папам!.. Тарьям-папам-папам-папам... (с. 238)². В данном примере наблюдается последовательный переход реплик героя в сторону прямого актуального внутреннего монолога, воспроизводящего субъектно-речевую линию Егора Прокудина. Сохраняются морфологические и лексические показатели речи героя. Они отражают его точку зрения, особенности восприятия, субъективную модальность. Ряды восклицательных предложений вносят в речь Егора Прокудина эмоциональную составляющую, а также становятся приемом диалогизации монолога. В данном примере внутренний монолог – это своего рода переход от внешней речи к внутренней реплике-реакции героя на ситуацию, искусно разыгранную им же на почте. Неудавшаяся игра в кавалера, друга, брата «Какой я вам гражданин? Я вам – товарищ и даже друг и брат» (с. 237) перерастает в досадное разочарование. Игровой подтекст монолога прослеживается в лексике «марионетки», «красные шапочки», в мелодии, которую бессмысленно бормочет Егор. Здесь характерологическая функция монолога.

Внутренняя речь может входить в авторское информативно-аналитическое повествование, делая его полифоничным. Чаще всего для этого используется косвенная форма персонажного монолога.

Егор встал и вышел из избы.

*Медленно прошел по сениям. Остановился около уличной двери, погладил косяк – гладкий, холодный. И прислонился лбом к этому косяку, и замер. Долго стоял так, сжимая рукой косяк, так, что рука побелела. **Господи, хоть бы еще уметь плакать в этой жизни – все немного легче было бы.** Но ни слезинки же ни разу не выкатилось из его глаз, только каменели скулы и пальцы до отека сжимали что-нибудь, что оказывалось под рукой. И ничего*

² Тестовые фрагменты, выбранные для анализа, цитируются по изданию: Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6: Рассказы 1972–1973 гг. Калина красная. Позови меня в даль светлую... / Шукшин В. М.; [сост., подгот. текста, комм. А. И. Куляпин] / под общ. ред. Д. В. Марьина. – Барнаул: Барнаул, 2014. – 360 с.

больше, что помогло бы в тяжкую минуту: **ни табак, ни водка – ничто, все противно**. Откровенно болела душа, мучительно ныла, точно жгли ее там медленным огнем. И еще только твердил в уме, как молитву: **“Ну, будет уж! Будет!”**» (с. 255). Субъектно-речевая сфера героя вводится в речевую партию повествователя несколькими способами: а) немаркированным цитатным включением «Господи, хоть бы еще уметь плакать в этой жизни – все немного легче было бы»; б) необозначенной прямой речью «И ничего больше, что помогло бы в тяжкую минуту: **ни табак, ни водка – ничто, все противно**»; в) конструкцией с прямой речью «<...> твердил в уме, как молитву: **“Ну, будет уж! Будет!”**». Вариативность воспроизведения элементов внутреннего монолога в речевой партии повествователя свидетельствует, во-первых, об идеологической близости позиций автора и героя, во-вторых, о переплетении разных речевых пластов как отличительной черты речевой композиции шукшинских текстов.

Автор прибегает к внутреннему монологу актуального плана, подчеркивая изображение душевного состояния героя мимикой и жестами: «<...> рука побелела. Но ни слезинки же ни разу не выкатилось из его глаз, только каменели скулы и пальцы до отека сжимали что-нибудь, <...>» и использованием самопроизвольной внутренней речи: «И еще только твердил в уме, как молитву: **“Ну, будет уж! Будет!”**».

Важную роль в монологе играет прием остранения. В таких фрагментах внутренней речи Егор Прокудин словно бы смотрит на себя со стороны, оценивает свое поведение, а иногда вступает в диалог с самим собой (особо стоит обратить внимание на употребление формы 2-го лица единственного числа).

– **Ну и ну... Жоржик. Это ж надо! Ты же так ударником будешь!** – Он оглянулся по степи, вдохнул весенний земляной дух и на минуту прикрыл глаза. *Постоял так <...>.*

Егор еще раз оглядел степь. Вот и этого будет жаль. «**Да что же я за урод такой!** – невольно подумал он. – **Что я жить-то не умею? К чертям собачьим! Надо жить. Хорошо же? Хорошо. Ну и радуйся!**» – Егор глубоко вздохнул (с. 258). Восклицательные и вопросительные предложения в таком монологе несут особую смысловую нагрузку. С их помощью передается ассоциативный характер мыслительного процесса, внутреннее напряжение героя, динамика и противоречивость чувств в его душе. Во внутреннем диалогизированном монологе герой раскрывается как рефлексирующая личность, находящаяся

в состоянии поиска выхода из душевного кризиса. О состоянии своего героя В. М. Шукшин писал так: «Не баб ищет Егор, не сладкой жизни и не пьяного забвения. А праздник для души. Ищет, не находит – и мается. Душа его не на месте. Он тоскует и мечется, потому что осознал где-то, что живет неладно, что жизнь его не задалась, пошла в разлад с совестью» [Василий Шукшин: Жизнь в кино, 2009, с. 207].

В речи Егора Прокудина присутствуют черты внутреннего монолога ретроспективного плана, связанные с детскими воспоминаниями. Такие фрагменты в киноповести выполняют сюжетобразующую роль.

Парнишкой он любил слушать, как гудят телеграфные столбы. Прижмется ухом к столбу, закроет глаза и слушает... Волнующее чувство. Егор всегда это чувство помнил: как будто это нездешний какой-то гул, не на земле гудит, а черт знает где. Если покрепче зажмуриться и целиком вникнуть в этот мощный утробный звук, то он перейдет в тебя – где-то загудит внутри, в голове, что ли, или в груди – не поймешь. Жутко бывало, но интересно. Странно, ведь вот была же длинная, вон какая разная жизнь, а хорошо помнилось только вот это немногое: корова Манька, да как с матерью носили на себе березки, чтобы истопить печь. Эти-то дорогие воспоминания и жили в нем, и, когда бывало вовсе тяжело, он вспоминал далекую свою деревеньку, березовый лес на берегу реки, саму реку... Легче не становилось, только глубоко жаль было всего этого и грустно, и по-иному щемило сердце – и дорого, и больно. И теперь, когда от пашины веяло таким покоем, когда голову грело солнышко и можно остановить свой постоянный бег по земле, Егор не понимал, как это будет – что он остановится, обретет покой. Разве это можно? Жило в душе предчувствие, что это будет, наверно, короткая пора (с. 258).

Внутренний монолог героя в данном примере представлен в виде растворенных, графически и пунктуационно не маркированных элементов чужого «слова» в речевой партии повествователя. Такой монолог словно бы внедряется в авторскую речь. Происходит наслаивание одной субъектно-речевой сферы на другую. В результате организуются смысловые точки, соединяющие в единое целое сознание повествователя и персонажа. Благодаря такому взаимодействию рождается особый тип аппликативного несобственно авторского повествования, где на поверхности лежит «слово» автора, а за ним скрываются индивидуализированные чужие высказывания как знаки субъективно-речевой сферы персонажа. Например, смысловыми метками внутренних размышлений

Егора Прокудина служат детские воспоминания: *«хорошо помнилось только вот это немногое: корова Манька, да как с матерью носили на себе березки, чтобы истопить печь <...> вспоминал далекую свою деревеньку, березовый лес на берегу реки, саму реку»*. Они будят в герое особые чувства и ощущение безвозвратной потери. Эти чувства понятны и автору, поэтому речевая линия героя вводится необозначенной прямой речью, в которой особо значимы разговорные фразы, присоединительные конструкции, неопределенные и указательные местоимения, частицы: *«Егор всегда это чувство помнил: как будто это нездешний какой-то гул, не на земле гудит, а черт знает где. Если покрепче зажмуриться и целиком вникнуть в этот мощный утробный звук, то он перейдет в тебя – где-то загудит внутри, в голове, что ли, или в груди – не поймешь»*. Формы прошедшего времени глаголов усиливают внутреннее драматическое состояние героя: *«Жутко бывало, но интересно. Странно, ведь вот была же длинная, вон какая разная жизнь»*.

Функционирование внутреннего монолога часто обусловливается характером самих ситуаций, послуживших материалом для осмысления поведения героя. В таких случаях внутренняя речь выполняет композиционную функцию: подготавливает переход к диалогу.

И вот Егор летел светлой лунной ночью по доброму большаку – в село, к Любе.

«Ну, что это, что это? – пытал себя Егор. – Что это я?» Беспокойство и волнение овладели им. Он уже забыл, когда он так волновался из-за юбки.

– Ну, как там... насчет семейной жизни? – спросил он таксиста. – Что пишут новенького? (с. 244).

Герой ищет путь, который бы помог ему обрести некогда потерянную родовую и душевно-личностную идентичность. Этот поиск он обращает внутрь себя самого и во вне – через диалог с окружающими.

Итак, в киноповести «Калина красная» внутренний монолог напрямую соотносится с образом Егора Прокудина. Внутренняя речь героя воспроизводится актуальным, косвенным, ретроспективным монологом. Особую смысловую нагрузку несет ретроспективный внутренний монолог, представляющий собой аппликацию авторского «слова» и «мыслеслов» героя. Такой монолог не имеет четких графических и стилистических маркеров. Он соединяет сознания повествователя и персонажа и становится приемом изображения психотипа героя с «наскипидаренной» душой.

Внутренний монолог в киноповести «Калина красная» является композиционно-речевым приемом, раскрывающим модели поведения героя в отдельно взятых ситуациях. Истинные действия и поступки Егора Прокудина объясняются посредством внутренней речи. Внутренний монолог в произведении сложен с точки зрения стилистической и речевой организации, выполняет характерологическую, идеологическую, сюжетообразующую и композиционную функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Артюшков, И. В.** Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 – Русский язык / Артюшков Игорь Викторович. – Москва, 2004. – 46 с.
2. **Ахманова, О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е, стереотипное. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
3. **Блох, М. Я.** Внутренняя речь в структуре художественного текста / М. Я. Блох, Ю. М. Сергеева. – Монография. – Москва: Прометей; МПГУ, 2011. – 180 с.
4. **Василий Шукшин: Жизнь в кино. Сборник материалов** / Сост. И. А. Коротков, Е. В. Огнева, В. И. Фомин. – Барнаул: Изд-во ГМИЛИКА, ОАО «Алтайский дом печати», 2009. – 352 с.
5. **Виноградов, В. В.** О языке художественной прозы: Избранные труды / В. В. Виноградов. – Москва: Наука, 1980. – 360 с.
6. **Волошинов, В. Н.** Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов – Москва: «Лабиринт», 1993 – 196 с.
7. **Выготский, Л. С.** Мышление и речь / Л. С. Выготский // Избранные психологические исследования. – Москва: Наука, 1956. – 324 с.
8. **Гаибова, М. Т.** Прагмалингвистический анализ художественного текста / М. Т. Гаибова; Азерб. гос. ун-т им. С. М. Кирова. – Баку: АГУ, 1986. – 84 с.
9. **Голев, Н. Д.** Структура внутренней речи в рассказах В. М. Шукшина (к проблеме взаимодействия разных типов речи в ментальных контекстах) / Н. Д. Голев. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v84.html> (06.03.2025).
10. **Гончарова, Е. А.** Пути лингвистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте / Е. А. Гончарова. – Томск: Изд-во Томского университета, 1984. – 150 с.

11. **Мартьянова, И. А.** Художественно-речевая структура кинопрозы Шукшина / И. А. Мартьянова // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Т. 1: Филологическое шукшиноведение. Личность В. М. Шукшина. Язык произведений В. М. Шукшина / науч. ред. А. А. Чувакин; ред.-сост. В. А. Чеснокова, А. А. Чувакин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 171–174.

12. **Осмоловский, О. Н.** Внутренний монолог в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / О. Н. Осмоловский // Ученые записки Орловского государственного педагогического университета. – Т. 27. – 1964. – С. 185–205.

13. **Рыбальченко, Т. Л.** Калина красная / Т. Л. Рыбальченко, Е. И. Конюшенко // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Т. 3: Интерпретация художественных произведений В. М. Шукшина. Публицистика В. М. Шукшина / науч. ред. А. А. Чувакин; ред.-сост. С. М. Козлова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 124–129.

14. **Чумаков, Г. М.** Чужая речь как лингвостилистическая категория и проблемы грамматики, лексики, стилистики / Г. М. Чумаков. – Днепрпетровск, 1977. – 215 с.

REFERENCES

1. **Artjushkov, I. V.** Vnutrennjaja rech' i ee izobrazhenie v hudozhestvennoj literature (na materiale romanov F. M. Dostoevskogo i L. N. Tolstogo): avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk: 10.02.01 – Russkij jazyk: / Artjushkov Igor' Viktorovich. – Moskva, 2004. – 46 s.

2. **Ahmanova, O. S.** Slovar' lingvisticheskikh terminov / O. S. Ahmanova. – Izd. 2-e, stereotipnoe – Moskva: Editorial URSS, 2004. – 576 s.

3. **Bloh, M. Ja.** Vnutrennjaja rech' v strukture hudozhestvennogo teksta / M. Ja. Bloh, Ju. M. Sergeeva. – Monografija. – Moskva: Prometej; MPGU, 2011. – 180 s.

4. **Chumakov, G. M.** Chuzhaja rech' kak lingvostilisticheskaja kategorija i problemy grammatiki, leksiki, stilistiki / G. M. Chumakov. – Dnepropetrovsk, 1977. – 215 s.

5. **Gaibova, M. T.** Pragmalingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta / M. T. Gaibova; Azerb. gos. un-t im. S. M. Kirova. – Baku: AGU, 1986. – 84 s.

6. **Golev, N. D.** Struktura vnutrennej rechi v rasskazah V. M. Shukshina (k probleme vzaimodejstvija raznyh tipov rechi v mental'nyh kontekstah) / N. D. Golev – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v84.html> (06.03.2025).

7. **Goncharova, E. A.** Puti lingvostilisticheskogo vyrazhenija kategorij avtor – personazh v hudozhestvennom tekste / E. A. Goncharova. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1984. – 150 s.

8. **Mart'janova, I. A.** Hudozhestvenno-rechevaja struktura kinoprozy Shukshina / I. A. Mart'janova // *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Jenciklopedicheskiy slovar'-spravochnik*. T. 1: Filologicheskoe shukshinovedenie. Lichnost' V. M. Shukshina. Jazyk proizvedenij V. M. Shukshina / nauch. red. A. A. Chuvakin ; red.-sost. V. A. Chesnokova, A. A. Chuvakin. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2004. – S. 171–174.

9. **Osmolovskij, O. N.** Vnutrennij monolog v romane F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» / O. N. Osmolovskij // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – T. 27. – 1964. – S. 185–205.

10. **Rybal'chenko, T. L.** Kalina krasnaja / T. L. Rybal'chenko, E. I. Konjushenko // *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Jenciklopedicheskiy slovar'-spravochnik*. T. 3: Interpretacija hudozhestvennyh proizvedenij V. M. Shukshina. Publicistika V. M. Shukshina / nauch. red. A. A. Chuvakin ; red.-sost. S. M. Kozlova. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. – S. 124–129.

11. **Vasilij Shukshin: Zhizn' v kino. Sbornik materialov** / Sost. I. A. Korotkov, E. V. Ogneva, V. I. Fomin. – Barnaul: Izd-vo GMILIKA, OAO «Altajskij dom pečati», 2009. – 352 s.

12. **Vinogradov, V. V.** O jazyke hudozhestvennoj prozy: Izbrannye trudy / V. V. Vinogradov. – Moskva: Nauka, 1980. – 360 s.

13. **Voloshinov, V. N.** Marksizm i filosofiya jazyka: Osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o jazyke / V. N. Voloshinov – Moskva: «Labirint», 1993 – 196 s.

14. **Vygotskij, L. S.** Myshlenie i rech' / L. S. Vygotskij // *Izbrannye psihologicheskie issledovanija*. – Moskva: Nauka, 1956. – 324 s.